

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У 25

Фото для обложки предоставлены
МИА «Россия сегодня»

Углов, Ф. Г.
У 25 Под белой мантией/ Ф.Г. Углов — Москва: Изда-
тельство АСТ, 2019. — 480 с. — (Медицинский бест-
селлер).

ISBN 978-5-17-113188-3

Книга знаменитого хирурга — это и медицинский де-
тектив, и точное описание жизни и быта людей советской
эпохи, и бесценное свидетельство мужества, самоотвержен-
ности и доброты врача. Федор Григорьевич пишет о своих
пациентах и реальных случаях из практики. В каждой строч-
ке чувствуется, как важна для него человеческая жизнь, как
упорно, иногда почти без надежды на успех, бьется он со
смертью.

Начав читать эту невероятную книгу, полностью осно-
ванную на реальных событиях, оторваться уже невозможно!

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113188-3

© «Издательство АСТ», 2019
© Фонд сохранения и развития
научного, литературного
и общественного наследия
академика Ф.Г. Углова

1 Точки отсчёта

1

Как-то мне позвонили из редакции «Правды»:

— У нас к вам просьба — проконсультировать и, если будет нужно, положить в клинику нашего сотрудника. Вы, наверное, слышали о Сергее Борзенко? Известный журналист, писатель, Герой Советского Союза. Он сейчас находится в правдинской больнице.

— Хорошо, завтра я собираюсь быть в столице и смогу посмотреть его.

...В палате я увидел высокого, крепкого сложения мужчину с добрыми, голубыми глазами. Пожимая мне руку, он улыбнулся. И было в его облике, улыбке что-то такое, что сразу располагало к нему, создавало впечатление, что мы давно знакомы. Однако у меня появилось и чувство тревоги: настораживали напряжённость больного, частые глубокие вздохи. Одышка в покое — признак тяжёлой сердечной и лёгочной недостаточности. Значит, дело зашло далеко.

— Расскажите, что у вас болит и когда вы заболели? — задал я стандартный вопрос, желая выяснить сущность болезни и знать, как сам больной её представляет.

— В моём теперешнем состоянии никого винить нельзя, кроме самого себя. Слишком небрежно относился к своему здоровью, считал, что его ничем не сломить.

— Нет, Сергей Александрович! Болезнь сильнее любого богатыря, если только её недооценить и дать ей развиваться. С нею, как со всяким злом, надо бороться, пока она не укоренилась, не перешла в необратимую стадию.

О себе он поведал следующее.

Болен давно. Пожалуй, несколько лет, с временными облегчениями и частыми обострениями. Врачи признавали воспаление лёгких. Лечился в стационаре, но каждый раз, не закончив курса, выписывался, чтобы уехать куда-нибудь на длительный срок. То на Дальний Восток, то на Байконур, то на военные манёвры (интерес к армии не ослабевал ни на минуту). С повышенной температурой ему приходилось ночевать в палатках, под открытым небом. И неизменно — рецидивы воспаления лёгких.

Сомнения не было: картина хронической пневмонии.

Просматриваю снимки, анализы, внимательно выслушиваю пациента и отмечаю, что здесь предугадывается нечто более грозное, понять которое при беглом осмотре трудно. Необходимо тщательное обследование. И главное — надо правильно лечить пневмонию, чтобы после устранения её симптомов лучше могло выявиться основное заболевание.

Сергея Александровича перевезли к нам в Ленинград, в Институт пульмонологии.

В каждодневном общении перед нами открылась незаурядная личность — с цельным, мужественным характером при внешней застенчивости и великой скромности. И в необычайной для себя обстановке Борзенко не мог обходиться без дела (мы постарались создать ему условия для творческой работы), жил заботами и думами о человеке, шаг за шагом вникал в проблемы клиники.

— Кого вы сегодня оперируете? — спрашивал он меня, когда я утром заходил к нему в палату.

— Девочку Люсю, вы вчера с ней беседовали. Предстоит операция с аппаратом искусственного кровообращения.

— Можно посмотреть?

— Пожалуйста, если вам будет не трудно выстоять.

Позднее он долго говорил с матерью девочки и с ней самой.

Потом ещё не однажды — одиннадцать раз — присутствовал на моих операциях. Обстоятельно разговаривал

с врачами, сёстрами, с родственниками больных. Всё записывал в блокнот.

Я любил приходить к нему в конце дня, когда в клинике становилось тихо.

Много услышал интересного.

Родился Борзенко в 1909 году в Харькове. Мать — учительница, отец — фельдшер. В пятнадцать лет остался круглым сиротой. Учился в фабзавуче харьковских трамвайных мастерских, работал электриком в депо. Закончил вечернее отделение городского электротехнического института. Рано начал писать стихи, сотрудничал в заводских многотиражках, пока не сделался постоянным корреспондентом областной газеты. Изъездил всю Украину, своими глазами видел свершения первых пятилеток, хорошо знал стахановцев Донбасса, строителей Днепрогэса. В двадцатилетнем возрасте, будучи уже зрелым по мысли, взялся за историко-революционную эпопею «Какой простор!», которую открывал роман «Золотой шлях», но опубликовал его только после победы над фашизмом.

Грянула Великая Отечественная война. Он добровольцем уходит на фронт в составе редакции армейской газеты «Знамя Родины» и, выполняя её задания, часто оказывается на самых ответственных участках боевых действий наших войск. С августа 1944 года — корреспондент «Правды». Вместе с передовыми частями Красной Армии 22 апреля 1945-го вошёл в Берлин.

В сборнике очерков «Герои битвы за Кавказ» есть материал, посвящённый самому Борзенко. Что же главное захотели отметить в нём товарищи? Лучше, чем они, я не скажу, а потому приведу цитату:

«Мужество журналиста на войне многомерно. Прежде всего нужна гражданская смелость, чтобы через газету говорить солдатам правду, какой бы она горькой ни была... Журналисту нужна и воинская отвага, потому что настоящий военный журналист пишет свои репортажи не с чужих слов, а с места событий... Он искал интересных встреч с интересными людьми, а они никогда не отсиживаются в тиши...

В первых же боях он убедился, что на войне надо быть прежде всего солдатом, а потом уже журналистом... И он учился быть солдатом. И стал им».

Сергей Александрович принимал участие в боях с немецкими танками, когда необходимо было развеять миф о непобедимости врага, ходил в рейды по тылам противника, вместе с разведчиками брал «языков», присоединялся к диверсионным отрядам, отправился с легендарным десантом на Малую землю и провёл там свыше полугода. Это он оставил нам такие строки: «Малая земля стала родиной мужества и отваги. Со всех сторон спешили сюда отчаянные души, горевшие неугасимой ненавистью к врагу. Тот, кто попадал на Малую землю, становился героем. Трусые или умирали от разрыва сердца, или сходили с ума. Здесь не было ни одного метра, куда бы не свалилась бомба, не упала бы мина или снаряд. Фашистские самолёты и пушки вдоль и поперёк перепахивали клочок земли, на котором не осталось ничего живого — ни зверей, ни птиц, ни деревьев, ни травы. Никого, кроме советских воинов». Плечом к плечу с ними сражался и Борзенко.

Он был награждён двадцатью боевыми орденами, не считая медалей. Первому среди журналистов и писателей ему присвоили звание Героя Советского Союза. Произошло это в 1943 году, когда освобождали Крым.

Мне довелось познакомиться с текстом наградного листа. Там говорится:

«В ночь на 1 ноября 1943 года писатель армейской газеты «Знамя Родины» майор С. А. Борзенко высадился с десантом 318-й Новороссийской стрелковой дивизии на крымской земле. В силу сложившихся обстоятельств ему пришлось руководить боем. Вместе с офицерами и солдатами С. Борзенко отбивал гранатами танки противника, которым удалось прорваться на 100 метров к командному пункту. Были дни, когда бойцам приходилось отражать контратаки противника по 17–19 раз, и всегда вместе с ними находился писатель С. Борзенко».

Текст скупой, без эмоций, что характерно для официальных документов. Куда больше поводов к раздумьям и восхищению человеческим духом даёт очерк самого Борзенко «Пятьдесят строк», где он вывел себя под именем Ивана Аксенова.

«Армия готовится к прыжку через Керченский пролив, и теперь понаедет уйма корреспондентов из фронтовой газеты, из Москвы. Только кто из них отважится идти с пер-

вым броском?» — раздумывал Аксенов незадолго до того момента, как его вызвали к редактору.

— Товарищи, получен приказ, — сказал редактор. — Одна из дивизий нашей армии должна форсировать Керченский пролив, ворваться на берега Крыма, захватить плацдарм. Кто из вас добровольно, — он с нажимом повторил, — добровольно пойдёт в десант?

Вызвался Аксенов. Среди сотрудников как-то само собой загодя решилось: в десант идти ему.

— Десант выходит в море завтра в полночь. Я оставляю, майор, на первой полосе пятьдесят строк и не буду печатать газету, пока не получу эти пятьдесят строк... Понятно? Отправляйтесь в Тамань к полковнику Гладкову. Он назначен командующим десантом, — закончил редактор.

В Тамани Аксенов узнал, что полку, который будет осуществлять прорыв, придаётся батальон морской пехоты. Во всяком наступлении кто-то идёт первым; даже если наступает армия — сто пятьдесят тысяч человек, — кто-то идёт первым. Такая задача стояла перед батальоном моряков. А уже по их расчётам, мотобот с корреспондентом должен был причалить третьим. Однако во время операции два передних мотобота потопили вражеские снаряды, и суденышко с Аксеновым первым подошло к берегу, заносимому ослепительной метелью цветных трассирующих пуль...»

Сергей Александрович рассказывал мне:

— Едва достигли мы середины пролива, как фашисты, повесив ракет, обрушили на нас шквальный огонь из дальних и ближних орудий. Лишь немногие плавсредства достигли крымского берега — но и здесь нас обстреляли из окопов и оборонительных прибрежных укреплений. Зацепились на каком-то пятачке, огляделись. Оказалось, что среди высадившихся нет никого из командиров подразделений — или погибли, или не смогли пробиться. Из живых я самый старший по званию, и руководство операцией надо брать на себя. Отдаю приказ: «Резать проволоку! Приготовить гранаты!»

А вот — снова факты из очерка.

«На берегу, скользком от крови, корреспондент палил из автомата, бросал гранаты, дело дошло до пистолетной стрельбы, затем, вспомнив, что его задача — написать пятьдесят строк, с нетерпением ожидаемых в редакции, забежал в горящий дом и при свете пылающей крыши на разно-

цветных листках какой-то немецкой квитанционной книжки, попавшейся под руку, написал заметку «Наши войска ворвались в Крым». Он описал всё, что увидел в бою, назвал фамилии двенадцати матросов, храбро сражавшихся рядом с ним. Заметку завернул в тонкую противоипритную палатку, чтобы бумага не размокла в воде, отдал связному, и тот увёз её на последнем мотоботе, отчалившем на Тамань.

Опубликовав драгоценные сведения, газета «Знамя Родины» точно указала: «В ночь на 1 ноября. Берег Крыма (материал доставлен связным рядовым И. Сидоренко)».

Сведениям этим, как выяснилось позже, действительно не было цены. В штабе, на Большой земле, напряжённо ждали сообщений от десантников, а они всё не поступали. Рации не работали, их разбили, прорваться обратно сквозь сплошной огонь, видимо, никто не мог. О судьбе десанта неоднократно запрашивала Москва.

...Забрезжил рассвет, наступило утро, из тумана выглянуло бескровное солнце, осветило суда, понуро возвращавшиеся на таманский берег. К разбитому пирсу подошёл искромсанный снарядами сторожевой катер. С залитой кровью палубы поспешно снесли раненых, затем окровавленные тела убитых, бережно опустили мёртвого начальника переправочных средств Героя Советского Союза Сипягина. Последним, пошатываясь от горя, на берег сошел мокрый с головы до ног, бесконечно усталый Гладков, в отчаянии схватился за непокрытую голову, с тоской подумал: «Лучше бы меня убили».

— Товарищ полковник, вас просит к себе командующий фронтом...

...Подпрыгивая, «Виллис» мчался вдоль моря, мимо покрытых зелёными сетками тяжёлых батарей. Глядя на пушки и горы стреляных гильз, полковник внутренне содрогался. Если солдаты не зацепились за крымский берег — тысячи снарядов выпущены зря. Если?.. Он не мог ответить: зацепились или не зацепились? Из-за сильного огня катер, на котором он плыл в Крым, вынужден вернуться, вернулся командир полка, вернулись штабы.

Машина подошла к дому. У крыльца толпилась дюжина корреспондентов. Часовой, почтительно козырнув, открыл заскрипевшую дверь, и Гладков очутился в полутёмной комнате, среди военных разных рангов. За столом, завален-

ным картами и донесениями, в шинели, накинутой внапашку, сидел бритоголовый маршал Советского Союза.

— Вернулся? — укоризненно спросил он, не подавая полковнику руки.

— Так точно, — ответил Гладков.

— Высадились наши войска на крымский берег?

— Не знаю. — Гладков покраснел, готовый провалиться сквозь землю.

— А кто знает? — повысил маршал сорванный на телефонных разговорах голос...

— Видел на том берегу автоматные вспышки, слышал разрывы гранат, — сказал полковник.

— Твои люди высадились, а ты не смог, — сказал маршал и прикрыл выгоревшими ресницами серые, усталые глаза.

Гладков тоже закрыл глаза, и перед его внутренним взором возникло только что пережитое. Бурное, холодное море. Гибель судов, рвущихся не то на своих, не то на чужих минных полях. Плотная завеса заградительного огня, словно дождь, соединившая небо и землю, сквозь которую ничто живое не способно пробиться. Удар снаряда в катер, режущий свист осколков, наповал сразивших Сипягина и офицеров дивизии. Объяснять всё это маршалу не имело смысла. Полководец не понял бы его, как он сам не понял бы младшего по чину офицера, не выполнившего задания...

Вошёл дежурный офицер и отрапортовал:

— На проводе Ставка Верховного главнокомандования. Запрашивают: высадились ли наши войска в Крым?

— ...Москва ждёт, что я скажу?.. У моего дома собрались корреспонденты всех газет. Что я скажу? Что ты побоялся подойти к берегу? Да?

— Не знаю, что им сказать, — тихо проговорил Гладков. — Только я не боялся...

Скрипнула дверь, и в ней, как в раме, возник высокий молодой полковник. В поднятой руке его, словно голубь, готовый вырваться, белела газета.

— Ура, товарищи! Наши на том берегу!

Наступила пауза.

— А ты откуда знаешь, начальник политотдела? — с облегчением и недоверием спросил маршал.

— Как откуда? В газете написано.

— Постой-постой, в какой газете? Что написано?

— В нашей, армейской, «Знамя Родины».

— Ну-ка читай, — попросил маршал, доставая из футляра очки в золотой оправе.

— Заметка называется «Наши войска ворвались в Крым», — громким голосом отчётливо прочёл начальник политотдела.

— Ничего не скажешь, заголовок хорош, — хором подтвердили корреспонденты, под шумок протиснувшиеся в комнату.

— А может, он с этого берега накропал? Знаем этих борзописцев — все могут выдумать, фантазии у каждого хватает на десятерых, — сказал маршал повеселевшим голосом.

— Э, нет! Я знаю Ваню. У нас была беседа перед десантом. Да и под заметкой написано: берег Крыма, — уверенно ответил начальник политотдела.

— Когда они успели?.. Ведь с тем берегом никакой связи... Оттуда ни слова... А тут газета, и с такими подробностями! — завосхищались вдруг офицеры и генералы.

— Товарищ маршал Советского Союза, — сразу оценив изменившуюся обстановку, попросил полковник Гладков, — разрешите отправиться на ту сторону пролива и принять командование над высадившимися войсками!

— Да-да, дорогой, езжай. Ни пуха тебе ни пера. — Маршал поднялся, пожал руку полковнику, обнял его и торопливо пошёл в аппаратную.

— ...Ставка? На проводе командующий фронтом... Наши войска ворвались в Крым... Ворвались в Крым, говорю... Да, ворвались и успешно продвигаются вперед...»

Сергей Александрович вспоминал:

— Окопавшись на захваченном участке в ожидании подкрепления и подвоза боеприпасов, мы готовились к отражению контрнаступления. Оно не заставило себя ждать. Враг хотел во что бы то ни стало сбросить в море и уничтожить десант. Атаки следовали одна за другой. На горстку бойцов обрушились танки, самоходки, самолёты. Бушевал сплошной огонь. Люди гибли у меня на глазах.

Настал такой момент, когда оставшиеся в живых решили пойти в открытую атаку, чтобы с честью умереть в последнем бою, — не было ни патронов, ни возможности обороняться.

Мы поднялись и пошли с песней. И в эту критическую минуту с Тамани раздались залпы дальнобойных орудий.

Противника охватило замешательство, а тут показались и наши подкрепления. Осуществлялся приказ Сталина — бросить все силы на расширение крымского плацдарма. Мы отбивали у фашистов новые и новые позиции.

О десантной операции в Крым, — заключил Сергей Александрович, — писали в общем-то немного, но героизма солдат и офицеров хватало бы на несколько романов...

Он говорил не о себе — о других, а то, что прошёл бесконечно длинные дороги войны, не прячась от опасности, жил с народом на одном дыхании, вроде бы само собой разумелось.

Материалы Борзенко, подчёркивали его товарищи, отличались исключительной правдивостью. Никакая выдумка, никакая фантазия никогда не заменит достоверности факта, живого примера. Он умел видеть то, что могло поразить воображение, чувствовать красоту и величие человеческого духа. Подтверждение этому он находил и на театре военных действий в Корее в 1950—1953 годах, и когда началась отечественная летопись освоения космоса, и в мирных буднях. В поисках именно достоверности факта он не переставал колесить по стране: «Передо мной текли реки людей...»

Разумеется, тут я попытался обобщить всё, что мне удалось узнать о Борзенко — писателе и человеке. Лишь малую долю информации дал он сам. Больше я основывался на собственных впечатлениях, да ещё помогли его сборники повестей и рассказов, предисловие к книге «По дорогам войны», написанное сыном — Алексеем Борзенко, опубликованные свидетельства очевидцев.

2

В Институте пульмонологии Сергею Александровичу с каждым днём становилось лучше. Этому, конечно, способствовали его оптимизм и жизнелюбие. Когда ни спросишь: «Как себя чувствуете?» — он ответит: «Прекрасно! Вы так лечите, что у вас нельзя не поправиться».

И всё-таки нас тревожили большие цифры РОЭ (реакция оседания эритроцитов), что свидетельствовало о торможении

нии защитных процессов в организме. И мы снова подвергали Борзенко обследованию и лечению.

А Сергей Александрович, чувствуя себя бодрее, всё глубже вникал в наши интересы.

— Великолепную клинику построили! Всё продумано. И оборудование у вас, как мне кажется, первоклассное.

— В клинике была острая необходимость.

— Да, я знаю, вы не имели подходящих условий для сложных операций.

— По существу, не было никаких условий, и если мы что-то делали, то только благодаря энтузиазму врачей. Наша больница основана 125 лет назад, когда операции по поводу грыжи и аппендицита считались опасными и сопровождались высокой смертностью. Резекции желудка совсем не производились. А мы стали оперировать на лёгких и сердце. Это всё равно что заводу вместо зажигалок на той же базе пришлось бы выпускать блюминги. Много мы хлопотали, добивались. Спасибо секретарю обкома Ивану Васильевичу Спиридонову.

— Я слышал о Спиридонове, — в раздумье проговорил Сергей Александрович. — Расскажите, пожалуйста, что он за человек, в чём выразилась его помощь?

О Спиридонове все ленинградцы очень хорошо отзывались. Его не просто уважали — его любили.

Мне пришлось пойти к нему в связи со строительством клиники. Позвонил и попросился на приём. Он сказал: «Заходите». И назначил день и час.

Во время нашей беседы внимательно слушал. Перебивал редко, чтобы задать уточняющие вопросы. И почти все мои предложения записывал в тетрадь. Вывод был краток:

— Постараемся удовлетворить ваши просьбы.

Прощаясь, я пригласил его посетить нас. Спиридонов ответил: «Приду обязательно».

С тем мы и расстались.

Через два-три дня мне сообщили: Иван Васильевич придет посмотреть операцию.

Мы не думали, что визит секретаря обкома повлечёт за собой столь важные последствия. И всё же с некоторым волнением ожидали его. Меня не смущал посторонний: я уже привык оперировать в присутствии студентов, аспирантов, учеников, врачей из других клиник, городов и стран.

Случается, операцию смотрят крупные специалисты. Неизменно сосредоточиваюсь, весь внимание, слежу за каждым своим движением, чтобы не ошибиться, не сделать неверного хода. Я забываю о том, что происходит вокруг меня. Тут помогает чувство высочайшей ответственности перед человеком, который доверил тебе свою жизнь.

Операция проводилась по поводу митрального стеноза. Риск был очевиден. В тот период, когда обезболивание ещё не было безупречным, подобная операция могла кончиться трагически даже на операционном столе.

От молодой женщины, решившейся на крайний для неё шаг, ничего не скрывали. Последние годы болезнь приковала её к постели. Муж, ребёнок совершенно заброшены, и она хотела любой ценой поправиться — не столько ради себя, сколько ради них. «Самый печальный исход, — говорила она, — лучше моего теперешнего положения. Я хоть не буду балластом для близких».

Мы рассказали Спиридонову об этой пациентке довольно подробно, чтобы он видел не просто хирургическое вмешательство, а стратегию, призванную вывести женщину из безнадёжного состояния. Показали рентгеновские снимки и объяснили сущность нашей операции на наглядных таблицах. Мои помощники надели на гостя халат, белые матерчатые сапоги и посадили на скамью амфитеатра.

Больной вскрыли грудную клетку, обнажили сердце, захватили ушко левого предсердия лёгким кривым зажимом и отсекли верхушку настолько, чтобы через это отверстие вошёл палец. С помощью расширителя, введённого через другое специальное отверстие в стенке левого желудочка, разорвали комиссуры (спайки), суживающие клапан, и восстановили надлежащее сообщение между предсердием и желудочком, то есть ликвидировали стеноз, или сращение створок, — последнее ревматического процесса.

На каждое наше прикосновение сердце отвечает дополнительными сокращениями, но если прикосновения мягкие и непродолжительные, а наркоз хороший, то быстро возвращаются и нормальный его ритм, и нормальная работа. При этом обычно большого кровотечения не бывает, но всё же мы допускаем кратковременное выплёскивание крови прямо из сердца, что, естественно, производит впечатление даже на специалиста, а на непосвящённых людей — тем более!